

Геополитическая ситуация на Южном Кавказе и Турция: перспективы для ОДКБ

Южный Кавказ: оценка рисков региональной безопасности

На сегодняшний день кавказская геополитическая проблематика вытеснена на обочину информационной повестки развитием событий внутри Украины и вокруг нее. Однако на протяжении первых полутора десятилетий XXI века интернационализация постсоветского пространства наиболее активно проходила на Южном Кавказе. Именно здесь в августе 2008 года был создан прецедент пересмотра беловежских принципов, в соответствии с которыми границы между вновь возникшими постсоветскими государственными образованиями базировались на разделительных линиях между бывшими союзными республиками. Де-факто в этом регионе был остановлен процесс расширения НАТО за счет новых независимых государств Евразии.

И несмотря на то, что в 2014-2015 гг. фокус геополитического противостояния между Западом (США и союзники из ЕС) и Россией переместился с Кавказа на Ближний Восток и Украину, этот регион остался одним из наиболее турбулентных на постсоветском пространстве. В результате второй карабахской войны 2020 года статус-кво в зоне армяно-азербайджанского конфликта, сохранявшийся на протяжении 26 лет, был радикально изменен. И это касается не только территории Нагорного Карабаха и смежных с ним семи азербайджанских районов, находившихся в 1994-2020 гг. под фактическим контролем армянских сил, а затем перешедших под контроль Баку, но и общей геополитической ситуации.

Беспрецедентное вовлечение Турции в военную кампанию Азербайджана по восстановлению его территориальной целостности стало первым опытом слома регионального баланса сил при участии непостсоветского государства, страны-члена НАТО.

Значительные изменения на Кавказе способствовали и активизации в регионе Ирана. С началом же российской специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 года США, ЕС в целом (и в особенности Франция) пошли по пути наращивания дипломатического прессинга на Армению и Азербайджан с целью ускорения переговорного процесса для подписания мирного договора между Ереваном и Баку.

Таким образом, в настоящее время на Южном Кавказе сохраняется ряд серьезных рисков для региональной и международной безопасности.

В первую очередь велика угроза новых эскалаций армяно-азербайджанского конфликта. Начиная с весны 2021 года, не только

территория Нагорного Карабаха и смежных с ним районов (Лачин) были ареной военных столкновений между двумя соседними государствами, но и армяно-азербайджанская госграница. Наиболее масштабным из них стало противостояние в сентябре 2022 года. Одним из его последствий стал рост критических настроений внутри армянского общества и политикума в отношении к России и к ОДКБ.

Азербайджан, очевидно, стремится не допустить новой «заморозки» конфликта (хотя бы и на более выгодных для него условиях) и завершить «собрание земель» в как можно более сжатые сроки. Здесь объективно имеются коллизии между азербайджанскими военными и российским миротворческим контингентом. Баку, понимая активную вовлеченность Москвы в украинские дела, пытается подвинуть «красные линии» (как это было в случае со строительством под азербайджанским контролем новой лачинской дороги, связывающей непризнанную НКР и Армению). В то же самое время Ереван стремится диверсифицировать свою внешнюю политику и пытается укрепить контакты с Западом (ЕС, США), а также Индией и Ираном, в чем Москва видит определенные риски как для себя, так и для евразийских интеграционных проектов (ОДКБ, ЕАЭС). Как бы то ни было, а до тех пор, пока Армения является членом ОДКБ, сохраняется отнюдь не теоретическая вероятность вовлечения этой структуры в вооруженную конфронтацию на Южном Кавказе.

В этом контексте стоит особо упомянуть об активизации западной дипломатии (переговоры под эгидой главы Евросовета Шарля Мишеля, и госсекретаря США Энтони Блинкена, а также т.н. «Пражский формат» на полях Европейского политического сообщества) и фактической недееспособности Минской группы (МГ) ОБСЕ, где два сопредседателя (США и Франция) отказываются от диалога с Россией. До 2022 года нагорно-карабахское урегулирование было уникальной площадкой на пространстве бывшего СССР, поскольку в рамках МГ Москва, Вашингтон и Париж конструктивно взаимодействовали друг с другом в силу двух основных причин. Во-первых, западные страны не видели в действиях России «ревизионизма», то есть попыток пересмотра границ между бывшими союзными республиками. Во-вторых, в политике Армении и Азербайджана отсутствовали устремления войти в НАТО при поддержке США и их союзников.

Но сегодня западные партнеры Еревана и Баку пытаются убедить их в неэффективности российского посредничества, а также «потере морального авторитета» в связи с началом СВО на Украине. Стоит подчеркнуть, что сама по себе СВО не создала рисков в зонах армяно-азербайджанского конфликта. Но фокусировка усилий и ресурсов Москвы на Украине и ее крайнее нежелание получить «второй фронт» на Кавказе, потенциально создают соблазны и для Баку, и для Еревана выйти на достижение мирного решения самостоятельно, без учета российских интересов. США и ЕС всеми силами

подталкивают армянских и азербайджанских партнеров к этому варианту. В случае же с Баку велик риск форсированного завершения процесса восстановления территориальной целостности без согласования всех деталей и нюансов с Москвой, притом, что российский миротворческий контингент в Карабахе имеет ограничители по срокам своего развертывания до 2025 года.

Во-вторых, сохраняются определенные проблемы и на грузинском направлении, хотя на фоне армяно-азербайджанского конфликта ситуация там выглядит более спокойной. Грузия не присоединилась к антироссийским санкциям и не стала открывать «второй фронт» в Абхазии и в Южной Осетии. Тбилиси было отказано в статусе кандидата в члены ЕС (на фоне демонстративного предоставления такового Киеву и Кишиневу, чьи реформаторские попытки значительно уступают грузинским). Расширение ЕС за счет Грузии маловероятно, как и прием этого государства в ряды НАТО. Следует также иметь в виду, что нынешней правящей партии «Грузинская мечта» противостоят сторонники экс-президента Михаила Саакашвили, крайне заинтересованные в «украинизации» политики Тбилиси, то есть более активной военно-политической кооперации с Киевом и НАТО. В случае прихода их к власти (такие шансы сегодня невелики, но они и не ничтожны) опасность для Абхазии и Южной Осетии возрастает. Более того, США и ЕС делают ставку на эти силы. В 2022-2023 гг. было зафиксировано немало случаев публичных расхождений между посольствами США, ряда стран Европы и представительством Евросоюза с одной стороны, грузинским правительством и правящей партией с другой. Есть все основания полагать, что визовая либерализация в отношении грузинских граждан с российской стороны, а также возобновления прямого авиасообщения между РФ и Грузией укрепят Вашингтон и Брюссель в их стремлении поддержать сторонников оппозиционного «Единого национального движения». Удерживает от этого только поддержка «Грузинской мечтой» курса на европейскую и евроатлантическую интеграцию, а также сохраняющиеся разногласия между Тбилиси и Москвой по поводу статуса Абхазии и Южной Осетии.

Таким образом, несмотря на то, что сегодня и Россия, и Запад сфокусированы на Украине, Южный Кавказ остается одним из важных полей их конфронтации. Следует иметь в виду, что в августе 2022 года американские власти составили список из 18 стран, которые они рассматривают, как потенциальные транзитные хабы для поставок тех товаров в Россию, которые попали под санкционные ограничения. И в этом списке оказались три государства Южного Кавказа. Цель Вашингтона очевидна - ограничить торгово-экономические контакты России, что самим кавказским странам невыгодно. Сегодня РФ входит в тройку торговых партнеров для Армении и Грузии (налицо четкое разделение экономических выгод и политических противоречий), и в первую пятерку - для Азербайджана.

В этом контексте крайне важная позиция третьих сторон, которые по тем или иным причинам стараются воздерживаться от прямого вовлечения в

«холодную войну-2». Наиболее важной представляется оценка роли и потенциала Турции.

Турецкий фактор на Южном Кавказе

По итогам вооруженной эскалации этнополитического конфликта в Нагорном Карабахе в сентябре-октябре 2020 года Турецкая республика значительно укрепила свои позиции на Южном Кавказе. Этот конфликт перестал быть исключительно региональным этнополитическим противостоянием, связанным с последствиями распада Советского Союза. Стратегическая связка Анкара-Баку, сформированная в начале 1990-х годов, значительно укрепилась. Расширились возможности для оказания совместного азербайджано-турецкого давления на Армению (по военно-политической и дипломатической линии) и на Грузию (в сфере экономической кооперации).

Военные действия в Карабахе осенью 2020 года и беспрецедентное вовлечение в них Турции спутало карты практически всем игрокам, вовлеченным в процессы в Закавказье. С одной стороны, Анкара бросила вызов российскому лидерству, как в регионе, так и в процессе урегулирования карабахского конфликта. Но, с другой стороны, действия Турции мотивировались не ее членством в НАТО, а национальными интересами. Более того, они во многом противоречили подходам турецких союзников США и Турции. Война в Карабахе стала дополнительным драйвером ухудшения отношений Парижа и Анкары. При этом одновременное усиление российского и турецкого военного присутствия в Закавказье и гипотетическая возможность «кондоминиума» России и Турции (как вариант России, Турции и Ирана) испугали США. Такие разные игроки, как Вашингтон, Москва, Париж и Тегеран опасаются экспорта ближневосточной нестабильности на Кавказ с помощью Анкары, хотя тот же коллективный Запад был бы доволен нарастанием российско-турецких противоречий вплоть до возможного столкновения.

Запад, не довольный самостоятельностью Турции, будет использовать кавказскую карту для удержания Анкары в своей орбите. Гипотетический российско-турецкий раздел сфер влияния для США стал бы, наверное, самым масштабным вызовом в Евразии. Как следствие, попытки противодействия этому сближению. Арсенал здесь широк от актуализации темы о признании геноцида армян в Османской империи (выступление президента Джо Байдена) до возможного признания независимости самопровозглашенной НКР (резолуции двух палат парламента Франции, инициатива влиятельного конгрессмена Адама Шиффа). Официальный Париж начал эксплуатировать тему военной помощи Еревану. Налицо попытки подорвать доверие армянской власти и общества к России, ОДКБ, российско-армянскому

стратегическому союзу. В этом плане Запад не слишком рискует. Принимать на себя реальное бремя миротворчества он не будет, как и защищать то, что осталось у Армении после ее тяжелого поражения. Однако любые уступки Еревана будут трактоваться, как слабость и неэффективность Кремля, забвение им союзнических обязательств. Вопрос о неэффективности российской миротворческой операции по факту уже введен в публичный оборот в более широких контекстах политики России в Евразии.

Растущие амбиции Турции в Кавказском регионе создают и определенные проблемы в отношениях между ней и Ираном, опасаясь, как новых силовых перекроек границ в своем непосредственном соседстве, так и экспорта ближневосточной нестабильности, прежде всего, перемещения боевиков протурецких и радикальных суннитских группировок из Сирии.

Ранее Тегеран сам не раз озвучивал идею «3+3» (которую сегодня активно продвигает Анкара), как формата инклюзивной евразийской платформы безопасности для Южного Кавказа без участия Запада. В нем должны присутствовать сами кавказские государства (Армения, Азербайджан, Грузия) и 3 соседние страны (Иран, Россия, Турция). В этом контексте некоторое воспроизводство алгоритма сирийского урегулирования, где сама Исламская республика вместе с Анкарой и Москвой будут иметь ключи к решению региональных проблем, иранскую сторону вполне устраивает. Однако актуализация темы тюркской солидарности (притом, что значительную часть населения Ирана представляют этническими азербайджанцами) вкупе с перспективами переброски протурецких прокси из Сирии в Закавказье создают очевидные риски. С точки зрения экономических интересов Исламской республики также вызывает определенное опасение открытие коридора между Азербайджанской Республикой и Нахичеванью (ранее коммуникация между ними шла через иранскую территорию).

Определенное беспокойство активизация Турции в Евразии в целом, и на Южном Кавказе в частности вызывает и у Китая. В последние годы КНР заметно активизировала свою деятельность на кавказском направлении. Пока ее шаги ограничены преимущественно экономической сферой (подписано Соглашение о свободной торговле с Грузией). Но останавливаться на этом Пекин, скорее всего не будет, хотя Кавказский регион имеет для него не первостепенное значение, он воспринимается как часть амбициозного проекта «Один пояс, один путь». На сегодняшний день Китай предлагает странам региона поддержку их территориальной целостности и развитие торговых связей. При этом Пекин, имеющий проблемы с уйгурским сепаратизмом и радикальным исламизмом в Синьцзяне, крайне настороженно относится к усилению турецких амбиций, но при этом готов к прагматическому взаимодействию с Анкарой, в особенности в обход коллективного Запада.

Укрепление позиций Анкары на Кавказе также открывают ей более широкие возможности для наращивания, как политического, так и экономического влияния на каспийском и черноморском направлении.

Расширение военно-технической кооперации с Украиной в 2020-2022 гг. стало одним из наиболее очевидных последствий турецкой экспансии на пространстве бывшего Советского Союза. Нарастание стратегической кооперации между Анкарой и Баку де-факто сделало Турцию еще одной каспийской державой, заинтересованной в расширении связей со странами Центральной Азии (в особенности с Казахстаном и Туркменистаном).

При этом нежелание Турции (страны НАТО) присоединиться к антироссийским санкциям, и, напротив, готовность открыть совместный с РФ газовый хаб делает Анкару сложным, но важным партнером Москвы в Евразии. И Южный Кавказ здесь играет особую роль. Обе страны по итогам второй карабахской войны укрепили свое военное присутствие (российские миротворцы в Карабахе, турецкие военные в Азербайджане, совместный мониторинговый центр в Агдаме). В новых условиях демаркация и делимитация армяно-азербайджанской границы будет невозможна без вовлечения Москвы и Анкары, гармонизации их интересов. На пользу российско-турецким отношениям может работать накопленный сторонами опыт антикризисного военно-политического менеджмента (Сирия, Ливия, Украина), когда серьезные несогласия по ряду проблем разрешаются не углублением конфронтации, а компромиссными решениями или «согласием на несогласие».

В отличие от США и стран Евросоюза, Турция – не новичок в кавказской политике. Значительная часть территорий нынешних государств Южного Кавказа в различные периоды входила в состав этого мощного имперского образования. Приблизительно 10 % турецких граждан ведет свое этническое происхождение из различных территорий Закавказья и Северного Кавказа. Численность азербайджанцев в современной Турции оценивается в 3 млн. человек, грузин - более 2 млн., представителей различных северокавказских этнических групп (преимущественно черкесов) – 3-5 миллионов, армян- 70 тысяч человек. Многие из них хорошо интегрированы в армейские структуры, спецслужбы, академические и медийные круги, играют значительную роль в формировании общественного мнения, принятии политических решений, ведут лоббистскую деятельность. Среди наиболее влиятельных неправительственных организаций диаспор можно назвать «Kafkas Derneği» («Кавказская ассоциация»), «Kafkas Vakfı» («Кавказский фонд»), «Azerbaycan Dostluk Derneği» («Азербайджанская ассоциация дружбы»). Во время первого тура президентских выборов о себе громко заявил турецкий политик азербайджанского происхождения Синан Оган. По итогам голосования он занял третье место, получив 5, 22% и получил от турецких СМИ прозвище «создателя королей». Во многом от его позиции (а также голосов его электората) зависит исход избирательной кампании во втором туре (28 мая 2023 года). Стоит отметить также, что Оган занимался специальным научным исследованием российско-турецких отношений и защитил докторскую диссертацию на эту тему на русском языке в России.

Таким образом, турецкая внешнеполитическая линия на Южном Кавказе представляет собой особую модель поведения. Ее можно определить, как военно-дипломатическое лавирование между разными игроками и центрами силы, уклоняясь от лобовой конфронтации. При этом Анкара сама позиционирует себя как самостоятельный центр силы и политического влияния. Взаимодействие с Турцией при отсутствии прямого столкновения интересов становится одной из важных предпосылок успеха для любого игрока, вовлеченного в процессы на Южном Кавказе, будь то США, ЕС, Россия или Китай.

Выборы в Турции: геополитическое измерение

Важнейшим политическим событием 2023 года в Турции стали президентские и парламентские выборы. Однако по факту они начались намного раньше календарного года. 4 года назад, в марте 2019 года по итогам муниципальных выборов в Стамбуле впервые за 25 лет Партия справедливости и развития (ПСР) действующего президента Реджепа Тайипа Эрдогана потерпела поражение в старой столице Османской империи. Перед стартом нынешней избирательной кампании оппозиции удалось выдвинуть единого кандидата, которым стал лидер Республиканской народной партии (с 2010 года) Кемаль Кылычдароглу. Первый тур не выявил победителя, Эрдоган и Кылычдароглу получили соответственно 49,24% и 45,07% голосов избирателей. Но на выборах в парламент более 320 мест из 600 получил «Республиканский альянс» во главе с партией Эрдогана «Справедливость и развитие».

Несмотря на то, что оппозиция жестко критикует власти за снижение социально-экономического уровня, коррупцию, кумовство, авторитаризм, внешнеполитические авантюры, предлагая концепт «Мир в Турции - мир во всем мире», продвигает трансформацию Турецкой республики в парламентскую, проблематично говорить о радикальных изменениях внешнеполитического курса страны в случае ее победы.

Во-первых, не следует преувеличивать разделительную линию между властями и оппозицией в отношении Запада. Несмотря на жесткую критику США и ЕС (в спектре от обвинений во вмешательстве во внутренние дела страны до культурной интервенции), Эрдоган не ставил вопрос о выходе из НАТО и об отказе от взаимодействия с Евросоюзом. Почти все внуки Эрдогана - граждане США, а его сыновья и дочери получили образование в Штатах. Как и Вашингтон Турция поддерживает территориальную целостность Азербайджана, Грузии, Молдовы и Украины. Отстраиваясь от НАТО, Турция в то же самое время, добилась на Южном Кавказе того, что Альянс не был в состоянии сделать на протяжении последних трех десятилетий - радикально изменить военно-политический баланс в регионе. В

отличие от сторонников Кылычдароглу действующий президент Турции выступает за более жесткий торг с Западом, без необоснованных уступок за счет Анкары, что, впрочем, не делает его автоматически проводником интересов Москвы на Кавказе или на Ближнем Востоке. Что же касается программы Кылычдароглу, то она составлена таким образом, что в ней нет четких и жестких формулировок, зато наличествуют общие фразы про посредничество по Украине.

Во-вторых, турецкий политический класс един в своем стремлении стратегически поддержать Азербайджан. Независимость этой республики Анкара признала еще в ноябре 1991 года, почти за месяц до подписания Беловежских соглашений, а закрытие сухопутной границы с Арменией произошло на фоне первой карабахской войны в 1993 году. По словам близкого властям ректора стамбульского университета имени Кадира Хаса Мустафы Айдына, «большой сегмент нашего общества воспринял азербайджанскую независимость именно, как провозглашение суверенитета второго турецкого государства». И «азербайджанский вопрос» - это не только геополитика, но и избиратели, за чьи голоса будут бороться Эрдоган и Кылычдароглу. В начале 1990-х гг. Эрдоган не был у власти, находился в оппозиции. И нет оснований полагать, что Кылычдароглу в случае победы изменит этот подход. Также следует заметить, что первые попытки нормализовать отношения с Арменией были предприняты Турцией задолго до т.н. «футбольной дипломатии» 2008-2009 гг., но были сорваны военной эскалацией в Карабахе в 1992-1993 гг.

Что может вызывать серьезное беспокойство в случае победы оппозиционного кандидата - так это его стремление воплотить в жизнь проект преобразования Турции в парламентскую республику, в которой у президента появится 7 (!) вице-президентов. Данный процесс может привести к сложностям и непредсказуемости при принятии важных политических решений, чем, скорее всего, воспользуются западные партнеры Анкары для продавливания выгодных им решений.

Таким образом, при любом итоге второго тура голосования турецкое внутривнутриполитическое пространство останется в высшей степени конкурентным, а любой победитель будет вынужден считаться с оппонентами и, не исключено, интегрироваться с ними при обновлении властной конфигурации. Однако, скорее всего, Анкара продолжит курс на продвижение себя, как самостоятельного (как минимум) автономного игрока в Евразии, имеющего свои собственные интересы в регионе Южного Кавказа, где потребуется немало усилий для их согласования с подходами и мнением России.

Возможности для ОДКБ

На фоне сохраняющейся нестабильности в Кавказском регионе и усиливающейся интернационализации этой части Евразии перед ОДКБ стоит целый ряд непростых задач. Во-первых, крайне важно сохранить единство рядов, не допустив углубления противоречий внутри самого интеграционного объединения. Это трудно сделать, так как ни Россия, ни другие члены Организации не стремятся к однозначному выбору между Арменией и Азербайджаном. И хотя Баку не входит в состав ОДКБ, двери для него остаются открытыми, а все страны-члены интеграционного объединения осуществляют взаимовыгодную экономическую и гуманитарную кооперацию с Азербайджаном. В феврале 2022 года эта страна наряду с Арменией стала квалифицироваться Россией, как стратегический союзник. Следовательно, безальтернативной задачей Организации в нынешних условиях является посредничество в деле примирения двух соседних стран, которые, как и члены ОДКБ вместе участвуют в Содружестве независимых государств (СНГ).

Во-вторых, важно оценить возможности для взаимодействия с теми игроками, которые действуют в Кавказском регионе и готовы прагматически кооперировать с Россией, другими государствами-членами ОДКБ по широкому спектру вопросов безопасности Евразии. Речь, прежде всего, об Иране, КНР и Турции. В последнем случае кооперация затрудняется в виду формального членства Анкары в Евро-атлантическом альянсе. Тем не менее, поиск форм и форматов такой кооперации крайне важен.

В этой связи насущной задачей является урегулирование вопроса о размещении постоянной миссии ОДКБ в Армении. Важнейшим шагом на этом пути стало бы урегулирование оргвопросов в диалоге между Организацией и Ереваном (заполнение армянской стороной необходимых квот, возобновление текущего взаимодействия). За последние несколько месяцев стало уже очевидно: гражданская миссия Европейского союза на территории армянского государства не может справиться с профилактикой и предотвращением вооруженных инцидентов. Организация могла бы использовать свой потенциал для продвижения мирного урегулирования, при этом в отличие от США и ЕС, настаивая на ускоренном подписании документа между Баку и Ереваном до завершения урегулирования остающихся противоречий между ними. Стоит также иметь в виду резко негативное отношение Азербайджана к размещению миссии Евросоюза на армянской территории. В случае с ОДКБ появление миссии вдоль армяно-азербайджанской границы можно было бы лучше согласовать, не внося элементы дополнительной конфронтации в неурегулированный конфликт.

Общие выводы и рекомендации

Таким образом, несмотря на определенное снижение остроты кавказских проблем для международной повестки дня на фоне российской

СВО на Украине, этот регион по-прежнему остается одним из наиболее сложных на постсоветском пространстве. Он переполнен конфликтами, несовпадающими интересами внешних игроков. Устойчивые интеграционные объединения и альянсы на Кавказе сегодня выглядят проблематичными. И эффективное взаимодействие с различными акторами (как странами региона, так и внешними игроками) возможно, по большей части, на избирательной основе.

Для укрепления позиций ОДКБ в регионе крайне важно:

- закрепление лидирующих позиций в армяно-азербайджанском урегулировании, недопущение перехвата инициативы по заключению мирного договора коллективным Западом,

- наращивание ресурсов по линии Организации за рамками собственно военно-политических форматов (Парламентская Ассамблея, инициативы отдельных депутатов, Академия ОДКБ),

- активизация контактов на неправительственных уровнях (но при поддержке и консультировании по линии ОДКБ) с грузинскими партнерами. Необходимо воспользоваться простом в процессе европейской и евро-атлантической интеграции Грузии, параллельно предлагая потенциальным сторонникам сближения с Россией выгодные евразийские альтернативы,

- аналогичные механизмы возможно запустить и в диалоге с иранскими, турецкими и китайскими партнерами,

- наращивание эффективной кооперации между подразделениями, отвечающими за собственно Закавказье (4 ДСНГ, ДВП МИД России), а также Ближний Восток и структурами ОДКБ, формирование постояннодействующих кооперационных механизмов,

- задействование «новых СМИ» (телеграм-каналы, блоги) в интересах Организации, в целом активизация ее информационной политики на кавказском направлении.

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО.

Мнение автора может не совпадать с позицией Организации